



[Ауслендер С.А. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск, 1919. — 38 с., 1 л. портр.; 19 см]

### **ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ АДМИРАЛ А.В. КОЛЧАК**

Первое впечатление, хотя бы самое мимолетное, когда еще не знаешь человека, когда еще не успеешь умом взвесить все его слова и движения, это первое впечатление, часто совершенно бессознательное, для меня лично бывает самым ярким и определенным.

Поэтому этот очерк о Верховном Правителе я хочу начать теми строками, которые я записал в ноябре 1918 года, впервые увидав Верховного Правителя несколько дней спустя после того, как Совет Министров постановил передать всю полноту Верховной Власти ему, Адмиралу Русского Флота Александру Васильевичу Колчак.

Это были дни тревоги, когда все еще было смутно и неопределенно, когда дело спасения России висело

на волоске, когда многие малодушные и смятенные еще боялись сказать свое мнение о совершающихся событиях.

И вот, когда я увидел его, вдруг ощущение какой-то спокойной решимости охватило меня. Я понял, что все спасение России и каждого из нас связано с этим человеком. В тот день первой моей встречи я записал следующее:

«Когда легкой, но какой-то особой точной, походкой он прошел по унылому корридору Ставки Верховного Главнокомандующего, слегка наклонившись к листку телеграммы, которую он читал, кто-то сказал: “Вот Адмирал”.

— 2 —

И в ту же секунду, когда я увидел этот острый, четкий, тонко вырезанный профиль, у меня явилась мысль: почему так знакомо это лицо, где я уже видел этот гордый с горбинкой нос, этот твердый овал бритого подбородка, эти тонкие губы, эти глаза, то вспыхивающие, то потухающие под тяжелыми веками.

Да, на римских камнях искусный художник запечатлевал образ воина и героя, черты человека, выдавшего смерть совсем близко, познавшего радость победы и горечь поражений, выдавшего и далекие страны и пышные триумфы и ужасные картины беспощадной битвы, умудренного суровой мудростью, неустанного мечтателя и закаленного бойца. Художник умел передать своим резцом и суровую твердость и скорбную нежность в таком тонком, четком профиле.

Вот он какой, Адмирал: небольшого роста, худощавый, стройный, с движениями гибкими и точными, с лицом, навсегда сохранившим загар далеких морей, то почти юноша, когда вспыхнет, что — то там, внутри, то вдруг усталый смертельно, измученный всем, что было, и что предстоит еще, голос негромкий, глуховатый, но такой, что услышишь среди самого яростного гула орудий, и такая сила чувствуется в этих маленьких загорелых пальцах.

Адмирал! О нем ходят уже легенды. Его имя уже давно повторяют кто с пламенной надеждой, кто со смертельным страхом.

Жизнь его, наполненная сражениями и упорными трудами, жизнь моряка и реформатора русского флота, становится достоянием истории, и я, с детства влюбленный в старые книги с выцветавшими гравюрами, на которых я тоже видел такие, опаленные внутренним пламенем, изысканно тонкие лица далеких победителей, я не могу не развернуть книги истории наших фантастических дней и не сделать краткой записи жизни одного из замечательных наших современников».

— 3 —

Но прежде, чем перейти к биографии, мне хочется сказать о том, что за последующие встречи мои, когда я видел его среди войск, на земских собраниях, при приеме самых разнообразных делегаций, о том, что для меня сделало образ его совершенно твердым, ясным, и определенным.

Власть — это всегда не только радость, не только удовлетворение честолюбия, это тяжелое бремя, которое необходимо уметь нести твердо, свято и торжественно.

Немногие умеют чисто внешне, не принимая фальшивых, напыщенных поз, сохранить свое человеческое лицо и придать ему выражение подлинной величественности, значительности и огромной ответственности, которые налагаются властью.

Потому так часто получившие власть опьяняются, теряют чувство меры как в мыслях, поступках, так и во внешних движениях, жестах.

Часто, почти всегда, большие и маленькие властители надевают маски, говорят придуманные, иногда весьма звонкие, пустые слова, перестают что-либо чувствовать, переживать, воспринимать живыми человеческими чувствами, становятся мертвыми манекенами партийности, иногда каррикатурными, иногда страшными, так как от их жестов механических, от их слов мертвых часто совершаются события роковые, проливается кровь, вспыхивают волнения, а они остаются мертвенно-спокойными, глухими и слепыми ко всем зовам жизни.

Что прежде всего поражает в Верховном Правителе, чего не могут не чувствовать все, кому приходилось непосредственно видеть и слышать его — это какая-то необычайная подлинная человечность каждого движения, слова, взгляда.

Ничего ненастоящего, придуманного, неискреннего, эта естественная простота каждого жеста, этот

напряженно-внимательный взор, эти речи, произносимые без всяких ухищрений ораторского искусства, спокойные, несколько сухие деловые, твердые, ясные слова,

— 4 —

в которых чувствуется все время биение живого, большого чувства и глубокой пристальной вдумчивости ко всему, с чем приходится соприкасаться, — все это делает внешний и внутренний облик совсем непохожим на обычного официального представителя власти, овеянного холодом предвзятых теоретических выкладок, холодом, которого не может преодолеть даже пафос звонко-пустого красноречия иных недавних властителей,

О чем бы не говорили ему, о сложных делах внешней политики, о тяжелых финансовых и продовольственных нуждах освобожденных от злого плена городов и земств или делегация рабочих рассказывает о своих делах, о потерявшемся вагоне хлеба и о невыдаче керосина, обо всем, большом и малом, общем и частном — всегда у него такое напряженное внимание все узнать, сейчас же найти возможность так или иначе помочь.

Эта серьезность постоянной заботы, постоянного внимания делает его лицо сосредоточенным, несколько печальным, но эта внимательность, это напряжение делает лицо таким живым, человеческим, совсем близким каждому, кто видит и слышит его.

Но рядом с этой человеческой простотой, простотой без всякой фальшивой слащавости, простотой, несколько суровой, Верховный Правитель умеет достойно, торжественно нести величие власти.

Когда в своей, совершенно простой солдатской шинели с защитными погонами он проходит медленно вдоль рядов войск, своим пристальным, напряженно-печальным взглядом как будто замечая каждое лицо, — есть подлинное волнение величественности, которого не достигнуть никаким внешним блеском одеяния и поз.

Это достигается опять-таки каким-то внутренним напряжением, глубочайшим сознанием той ответственности, которая принята им за Россию, за каждого,

— 5 —

за каждого без исключения в эти страшные дни последней борьбы.

В нем есть что-то, что приковывает взоры и сердца помимо воли, что-то магнетизирующее. Вся жизнь, наполненная упорными трудами, частыми опасностями, там, в Ледовитом Океане, там, у Порт-Артура, в Балтийском и Черном морях — эта жизнь, требовавшая столько душевной крепости и твердости, положила отпечаток на весь облик.

Человек, видавший столько раз смерть совсем близко, человек не сломившийся, всегда вызывает невольное уважение к себе.

Несомненно, эти черты искренности, твердости, непреклонности, суровой простоты привлекали, приковывали к нему сердца многих.

Недаром даже в дни темного опьянения в Севастополе он один из немногих (если не единственный) военачальников умел владеть толпой, уже отравленной черным ядом, умел, не унижаясь до раболепства перед ними, сохранить свой авторитет среди матросов и рабочих, высказывая им спокойно и твердо свои мысли, безнадежные в самом разгаре революционного безумия.

Это умение влиять на людей самых разнообразных положений и устремлений, это умение заставить верить себе помимо чисто внешнего обаяния искренности, твердости и благородства, которое передается бессознательно, помимо этого имеет глубокие, *внутренние* основания.

Какие идеи одухотворяют Верховного Правителя, каковы его мысли, надежды и планы?

В своих речах, которые совсем не похожи на обычные речи ораторов, говорящих так часто то, чего они совсем не чувствуют, не переживают, в своих речах на земских собраниях перед местными общественными деятелями и крестьянами он в словах ясных, четких и твердых не раз высказывал свои мысли, взгляды, идеи.

— 6 —

Когда слушаешь его, все время чувствуешь, что каждое слово, каждая мысль продиктованы только горячей любовью и неутомимым умом, ищущим выхода из всех невыносимых бедствий, постигших Россию.

Мы знали многих храбрых и безупречных воинов, которые хорошо умели сражаться и умирать, но которым были многие государственные вопросы чужды, которые многого при всей доброй воле не могли по пяту и почувствовать.

Верховный Правитель совместил в себе многое: он не только твердый воин, так хорошо понимающий, что нужно в эти часы решительной борьбы, он также ученый, привыкший свой ум направлять на области разносторонние, ему не впервые пришлось вплотную подходить к вопросам общегосударственной и политической жизни; как моряк, он многое видел и познал не только из книг, а в жизни различных стран.

Все это дало ему широту мысли, не затемненной предвзятыми партийными и теоретическими программами, мысли, согретой пламенной любовью к России, за которую столько раз он готов был умереть, принимая участие в боях.

## II.

Вот первое обращение Верховного Правителя к населению после того, как Совет Министров постановил передать ему Верховную Власть.

### К населению России

18-го ноября 1918 года Всероссийское Временное Правительство распалось.

Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне — Адмиралу Русского Флота, Александру Колчак.

— 7 —

Приняв Крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройстве государственной жизни, объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной Армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю Вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный Правитель Адмирал *Колчак*.

18-го ноября 1918 года,  
г. Омск.

В этих кратких, намеренно несколько скупых словах, нет увлекательных, неисполнимых обещаний «земного рая», который так щедро сулился, и вместо которого Россия получила голод, разруху, позор и смерть

Но в этих словах есть твердость клятвы спасти Россию во что бы то ни стало.

«Крест власти» — это не риторическая красивая фраза.

Кто пережил то время, когда казалось последние надежды рушились, когда в самом правительстве все было разъединено, когда группа эсеров во главе с Черновым открыто призывала на вооруженный мятеж, когда неокрепшая еще Армия отравлялась ядом политических раздоров, когда некоторые группы анархически настроенных атаманствующих не признавали ничьей воли, кроме своего собственного своеволия, когда красная Армия, одушевленная победами

— 8 —

под Казанью, Симбирском и Самарой, теснила наши войска, в это время сумятицы и распада, чтобы принять «Крест власти», надо было иметь много твердости, решимости, огромное чувство святого долга.

Он взял на себя всю ответственность и всю тяжесть.

В речи на казачьем круге он сказал, что, приняв власть, как солдат в минуту страшной опасности, не смеет уклониться от своего долга, принял, считая что этой передачей власти ему, солдату, подчеркивается суровая необходимость для государства прежде всего силой оружия решить вопрос о спасении изнемогающей России.

Армия поверила своему испытанному вождю, имя которого уже давно известно России по многим славным победам. Армия поверила, что все кровавые жертвы будут не напрасны, она поверила в его твердость, опытность и удачливость.

Он сумел соединить Армию в одном порыве, сумел закрепить все, еще не достаточно окрепшее, заставил склониться перед своим авторитетом всех буйных и своевольных, отравленных за эти черные месяцы большевизма.

Всякое разъединение между Армией и Властью, такое гибельное, уничтожилось.

Те дни, которые провел в начале февраля Верховный Правитель на фронте, восторженно приветствуемый войсками, осматривая полки на самых позициях, под неприятельским огнем, награждая Георгиевскими крестами раненых в лазаретах, эти дни были исторически-значительными днями, предвещавшими новую славу и величие России.

Непосредственно за поездкой Верховного Правителя наши армии повсеместно перешли в победоносное наступление, вписали новые легендарные страницы в книгу славы.

Этот, кровью запечатленный, ответ на призыв Вождя показал действенно, что нет колебаний, нет

— 9 —

сомнений, нет разногласий между Властью и Армией, что один и тот же священный порыв воодушевляет их и что мысли и дела их спаяны вместе неразрывно.

Но признавая, что суровые законы войны требуют жертв, требуют, чтобы все было прежде всего подчинено этим законам, Верховный Правитель не только воин, но и государственный деятель, отчетливо понимает, что вопросы гражданского строительства может быть не в столь широких рамках, как это было бы в мирное время, эти вопросы не могут оставаться неразрешенными, тесно связанные с делами Армии.

В области общегосударственной он пошел неуклонно тем третьим путем, который указан им в обращении к населению — это не путь реакции, не путь гибельной партийности, это путь делового, упорного строительства, где не интересы отдельных классов, сословий, партий играют роль, а только интересы целого, интересы Государства, России.

Совет Министров в том же самом составе, как он сформировался после освобождения Сибири (некоторые частичные перемены не имели принципиального политического характера), получил возможность с большей уверенностью и твердостью продолжать свою работу, так как не было между ним и Верховным Правителем разногласий в главной цели, в главном устремлении справиться насколько возможно с разрухой, чтобы продолжать борьбу за освобождение всей России.

Программа Правителя и Правительства, высказываемая им с недопускающей никаких кривотолков определенностью, — очень ясна и проста.

В этой ясности и простоте огромная, жизненная, реальная, творческая сила правительственной программы.

Россия должна быть освобождена, и тогда сам народ через Национальное Учредительное Собрание выскажет свою волю относительно тех оснований, на которых должно строиться новое Государство Российское.

— 10 —

Не предвещая содержания этих основных положений политического и социального строительства, Верховный Правитель не раз высказывал мнение, что возврата к старому быть не может и потому в своей текущей работе, создавая пусть только временные государственные формы, Правительство, не являющееся классовым и Партийным, выдвинутое той государственно-мыслящей средой русской интеллигенции, которой конечно и в будущем строительстве придется сыграть главную роль, это правительство проводит последовательно принципы демократизма, насколько это возможно в условиях чрезвычайных трудностей экономических, продовольственных, финансовых, транспортных, насколько военные суровые задачи не требуют иногда некоторых временных, жертвенных отступлений от этих принципов.

Для того, чтобы вполне исчерпывающе передать программу Власти, я не найду более определенных и ясных слов, чем речь Правителя, произнесенная им на торжественном объединенном заседании Городской Думы и Земской Управы в Екатеринбурге.

Выслушав доклады Председателя Думы и Земской Управы, а также декларации всех думских фракций, Верховный Правитель ответил следующей речью:

«Г. председатель Городской думы и гг. гласные. Не в первый раз за настоящую мою поездку мне приходится встречаться с представителями земств и городов и с представителями общественности, и я с глубоким удовлетворением должен установить отсутствие разногласий взглядов моих и Правительства, которое я возглавляю, с положениями, что я слышал до сих пор от местных людей. Я должен отметить глубокое значение этого факта, ибо в безвозвратное прошлое ушло то время, когда власть могла себя противопоставить общественности, как силе ей чуждой и даже враждебной. Новая свободная Россия должна строиться на фундаменте единения власти и общественности.

— 11 —

Я не буду подробно касаться тех местных, хозяйственных вопросов, которые подобно доложили здесь официальные представители города и земства, скажу лишь, что вопросы эти — одного порядка для всех земств, для всех городов, освобожденных от власти большевиков в России. Разрушенные хозяйства, выведенные из состояния равновесия бюджеты — вот то тяжелое наследие, которое оставили муниципальной жизни большевики, а для прифронтовых местностей это наследие отягощается еще неотложными заботами как о нуждах Армии, так о больных и раненых воинах, попечение о коих взяли на себя прифронтовые земства и города.

Я и Правительство, мною возглавляемое, отчетливо представляем себе всю тяжесть, условий, в которых приходится начинать свою созидательную работу молодой русской общественности. В программу Правительства входит поэтому как широкая помощь земствам и городам в деле выполнения задач общегосударственных, так и оказание им содействия всякого рода по восстановлению разрушенного хозяйства и развитию муниципальных предприятий. Часть вопросов, связанных с оплатой городу расходов, понесенных им на удовлетворение военных потребностей по расквартированию войск, я могу разрешить теперь же. Я должен при этом оговориться, что лишь в хозяйственной деятельности муниципалитетов, в широком развитии муниципальных предприятий лежит путь устойчивого хозяйства и процветания городских самоуправлений, но в настоящий момент не эти вопросы, местные и хозяйственные, имеют первенствующее значение, население ждет от власти ответа и задача власти открыто сказать куда и какими путями она идет, и какими идеалами одухотворена борьба с большевизмом, борьба, недопускающая никаких колебаний и никаких соглашений. — Вот первая задача и цель Правительства, которое я возглавляю. Вопрос должен быть решен только одним способом — оружием и

— 12 —

истреблением большевиков. Эта задача и эта цель определяют характер власти, которая стоит во главе освобожденной России — власти единоличной и военной. Вторая задача Правительства, мною возглавляемого, — есть установление законности и порядка в стране. Большевизм слева и справа, как отрицание морали и долга перед родиной и общественной дисциплины, справа базирующийся на монархических принципах, но в сущности имеющий с монархизмом столько же общего, сколько имеет общего с демократизмом большевизм, характеризующийся для своих адептов свободой преступления и подрывающий государственные основы страны, большевизм, который еще много времени после этого потребует упорной борьбы с собой. Законность и порядок поэтому должны составить фундамент будущей великой, свободной, демократической России. Я не мыслю будущего ее строя иначе, как демократическим, — не может он быть иным, и теперь быть может только суровые военные задачи заставляют иногда поступаться и в условиях борьбы вынуждают к временным мероприятиям власти, отступающим от тех начал демократизма, которые последовательно проводит в своей деятельности Правительство.

Всеобщее избирательное право в области местного самоуправления, широкое развитие последнего, проникнутое духом демократизма социальное законодательство в области рабочего и земельного вопросов, служит последнему доказательством. В области аграрного законодательства Правительство стоит на точке зрения укрепления и развития мелкой земельной собственности за счет крупного землевладения и широких земельных реформ в целях удовлетворения землей земледельческого населения, нуждающегося в ней. Эти реформы оно мыслит лишь на основе права, государственной необходимости и социальной справедливости.

В области международных отношений Правительство стремится к поддержанию тех международных

отношений, с которыми Россия вступила в великую Европейскую войну, стремясь всемерно укрепить и поддержать прежние дружеские отношения.

Еще недавно вся свободная Россия была встревожена, когда получилось предложение держав Согласия всем правительственным организациям, обладающим вооруженными силами, послать представителей на Принцевы Острова для соглашения с большевиками. Мы сочли ниже своего достоинства даже отвечать на эти предложения. Ныне этот вопрос может считаться поконченным. Сговора с большевиками на Принцевых Островах не будет, и те Западно-Европейские государственные деятели, которые еще недавно поддерживали эти планы, ныне, прозрев, клеймят большевиков названием убийц-террористов, как это сделал Лойд Джордж в палате депутатов.

Вот те ближайшие задачи, которые поставило себе Правительство, мною возглавляемое, и ради которых оно требует от населения суровых, жертвенных подвигов. Оно проникнуто идеей возрождения родины и не мыслит себя призванным к разрешению всех коренных вопросов устройства страны, но считает народ русский единственным хозяином своей судьбы, и когда, освобожденный от гнета и насилия большевиков и язв большевизма, он через своих свободно избранных представителей в Национальном Учредительном Собрании выразит свою свободную волю об основных началах политического, национального и социального быта, — я и Правительство, мною возглавляемое, почтем своим долгом передать правительству, им авторизированному, всю полноту власти, нам ныне принадлежащей».

Основные положения этой речи Верховный Правитель повторял не раз, выступая на земских и городских собраниях в Челябинске, Перми, Екатеринбурге, в Троицке, на заседании Казачьего Круга.

В некоторых речах он более подробно останавливался на отдельных пунктах правительственной

программы, на вопросах финансовых, земельных, рабочих, транспортных, но главная мысль повторялась неуклонно и всегда в своей простой твердости производила впечатление глубоко пережитой и продуманной — это отношение к своей власти, как к тяжелому священному долгу, который должен быть исполнен до конца; только для спасения и освобождения России он принял крест власти, всю ответственность и всю полноту власти, никакие партийные и личные стремления не могут склонить его с намеченного пути.

В Челябинске, на обеде, данном в его честь городским самоуправлением, он, обычно такой сдержанный, с искренним волнением сказал, что счастливейшей минутой его жизни будет та, когда в освобожденной от злых насильников России он сможет передать всю полноту власти Национальному Учредительному Собранию, выражающему подлинную волю русского народа.

В этой фразе чувствовалось такое ощущение всей тяжести и небывалой ответственности, которую он принял на себя, такая непреклонная решимость спасти Россию, что даже самый злостный недоброжелатель не посмел бы усумниться в ее последней искренности.

На всех собраниях речи Верховного Правителя выслушивались с глубоким вниманием и производили сильное впечатление. Не раз его заявления прерывались громкими аплодисментами. Последние сомнения, недоразумения, иногда происходящие от недостаточного знания задач и целей, поставленных Верховным Правителем, исчезали после этих речей, таких простых, ясных, определенных и твердых.

Программа Правительства, излагаемая Верховным Правителем с такой благородной искренностью, не может не объединить всех государственно-мыслящих патриотов, интересы всей России, всего народа, ставящих выше интересов узкой партийности или отдельных классов.

Челябинское Земское Собрание постановило издать для широкого распространения среди крестьян речь Верховного Правителя, в которой он, развив взгляды Правительства на земельный вопрос, высказал свое твердое убеждение, что крестьянству, давшему России Армию, прославленную беззаветными подвигами, крестьянству, с его твердо-государственными устоями, лишь временно поколебавшимися во дни смуты, крестьянству, наконец, по строгому закону чисел, придется сыграть главную роль в будущем государственном строительстве.

В Перми именно после выступлений Верховного Правителя всем политическим партиям удалось при-

мирить свои разногласия и соединиться в блок на программе, высказанной Верховным Правителем.

На банкете, данном Пермским самоуправлением, Верховный Правитель с необычайным жаром произнес тост в красивой, вдохновенной форме, отражающий мысли его других речей.

«Я поднимаю бокал за нашу Родину — единую и нераздельную, за нашу Родину, свободную и независимую, за нашу Родину, живущую по вере православной, при мирном производительном труде, при наличии Армии, храброй и непобедимой, при Правительстве, отвечающем воле народной — вот за эту Родину я поднимаю бокал».

«За Родину» — вот мысль неотступная, пламенная, которая звучит призывно во всех его речах и делах.

«За Родину» воскресшую, новую, свободную.

У кого сердце бьется живою любовью, кто хочет видеть Россию великой и свободной, кто пережил по-настоящему весь невыносимый позор и ужас смерти России, — те пойдут за ним, те откликнутся на его призыв к объединению всех живых творческих сил.

Один из представителей Городской Думы на заседании в Екатеринбурге сказал, что гарантией того, что все слова деклараций будут полностью воплощены в дело — является сама личность Верховного Правителя.

— 16 —

Для тех, кто знает его хотя издали, для тех, кому известна его жизнь, эта фраза является непоколебимой реальностью.

Действительно, в годы безвременья, приведшего нас к страшной катастрофе, в годы всеобщей расхлябанности, эгоистической жадности только к своему маленькому, узко-личному, в годы, когда, казалось, люди разучились ярко желать и твердо действовать, в годы маленьких дел и неврастенических, больших желаний — в эти годы кажется такой удивительной, несвоевременной эта жизнь, наполненная только упорными трудами, постоянным внутренним горением, воинскими подвигами, простая и суровая жизнь воина, ученого и общественного деятеля, неустанно думающего только об одном — о России, жизнь, не запятнанная никакими малодушными колебаниями и компромиссами.

Вот краткая схема, сырой материал, которым быть может воспользуется какой-нибудь будущий историк, который будет творить суд всем нашим делам, мыслям и мечтаниям.

### III.

В корпусе мальчиком — страстная влюбленность не только в военное дело, но и в науку, жадность испытующего ума. Всегда с книжкой, всегда мечты о подвигах, о великих, трудах.

В 1894 году окончил морской кадетский корпус фельдфебелем, вторым по выпуску с премией Адмирала Рикорда и был назначен в Балтийский Флот.

В 1895 году, весной А.В. Колчак на броненосном крейсере «Рюрик» ушел в плаванье на Дальний Восток, где прослужил до 1899 года, когда на крейсере «Крейсер» вернулся летом в Кронштадт, проплавав в китайских и корейских морях четыре года.

Еще тогда, в молодости, он умел пользоваться влиянием не только среди товарищей, но и среди старших. Если какое-нибудь сомнение, говорят:

— 17 —

«Колчак все знает. Спросим у него». И он действительно все знает, все может разрешить быстро и точно, не ведая малодушных колебаний.

Эта особенность ясности и отчетливости мысли, эта быстрая и глубокая восприимчивость уже тогда выделяла его среди многих.

В том же 1899 году, пробыв в России всего 2 месяца, он вновь отправляется на Дальний Восток на эскадренном броненосце «Петропавловск».

Находясь в Средиземном море, в Пирее он получил приглашение от Императорской Академии Наук принять участие в снаряжаемой Академией научной экспедиции в Северный Ледовитый Океан под начальст-

вом барона Толя.

Еще будучи в корпусе и во время плавания на Востоке, он жадно интересовался океанографией и исследованиями в полярной области. Заветной мечтой юного моряка было снарядить экспедицию для продолжения работ в Южном Ледовитом Океане, начатых нашими знаменитыми исследователями Адмиралами Беллинс-Гаузенем и Лазаревым. Его незаурядные работы по океанографии обратили внимание маститых ученых и явились основанием для приглашения его в экспедицию барона Толя, которой придавалось большое значение.

А.В. Колчак смотрел на эту экспедицию как на подготовку к будущей русской антарктической экспедиции, о которой его мысль открывателя новых земель, мечтателя и ученого, заставляла неотступно его грезить.

Он принял предложение Академии и из Греции вернулся в Петербург, где зиму и весну 1900 года употребил на подготовку к научным работам в экспедиции, с молодым жаром работая в главной физической и Павловской магнитной обсерваториях.

Летом 1900 года он ушел в составе экспедиции на специальном судне «Заря» кругом Норвегии в Карское море и к берегам северного Таймыра, где экспедиция имела свою первую зимовку.

— 18 —

В течение этого времени он занимался вопросами гидрографии, океанографии и делал наблюдения над земным магнетизмом. Кроме работ по этим специальным дисциплинам он предпринял ряд важных поездок с целью исследования мало известного побережья Таймырского полуострова и прилегающего к нему архипелага островов.

В июле 1901 года, после вскрытия ледяного покрова «Заря» ушла на Восток, обогнула мыс Челюскин и выйдя, в Сибирское море, направилась к Ново-Сибирским островам.

После обследования Ледовитого океана к северу от Ново-Сибирских островов — насколько это позволяли границы ледяных полей, шхуна «Заря» стала на вторую зимовку на острове «Котельный» Ново-Сибирской группы.

Экспедиция имела строго-научный характер и была занята исключительно научными работами и исследованиями, В эту вторую зимовку он произвел также ряд санных поездок по островам с целью научных работ.

Весной 1902 года барон Толь, считая невозможным на основании предшествующих опытов, проникнуть далеко на север с помощью судна, решил предпринять отдельную, санную экспедицию, имея ближайшей своею целью достигнуть малообследованный остров «Бенета», лежащий к северу от Ново-Сибирских островов. Экспедиция должна была продолжать с навигацией научные обследования Сибирского моря и обеспечить содержание партии барона Толя устройством склада на Сибирских островах, куда барон Толь предполагал вернуться самостоятельно. Лето 1902 года было крайне неблагоприятным по состоянию льда, который, благодаря северным ветрам, спустился на юг, и все попытки подойти к острову «Бенета» и вступить в сношения с бароном Толь не увенчались успехом. Согласно плану, после третьей навигации экспедиция

— 19 —

должна была подойти к устью Лены, закончить работы и вернуться в Петербург.

По возвращении было доложено о положении партии барона Толя, о которой не было известий с весны, и Академия решила немедленно послать новую экспедицию с целью поисков партии и оказания ей помощи.

А.В. Колчак выработал план шлюпочной экспедиции, имея целью пройти землю «Бенета», и выяснить там, на месте, судьбу партии барона Толя.

Экспедиция эта многим представлялась невыполнимой, почти безумной, ввиду ее крайней рискованности, но другого выхода, за отсутствием времени, не было, и разве опасность могла остановить ее инициатора, если его призывал долг.

Зимой 1902 года он отправился обратно через Иркутск и Якутск в селенье Казачье на устье реки Яны, откуда предполагал начать движение на Ново-Сибирские острова. С ним отправилось двое из команды шхуны «Заря» по собственному желанию (боцман и рулевой старшина) и четверо мезенских тюленепромышленников, за которыми он ездил в Мезень. Это были люди, с детства привыкшие к движению льда, и они как нельзя более отвечали этой опасной экспедиции. В Сибири же он пригласил участвовать в экспедиции Павла Васильевича Оленина, бывшего хранителя Иркутского музея, хорошо знавшего путешествия по Якутской области и

еще до приезда начальника экспедиции приобретшего теплую одежду и 160 ездовых собак.

Последние приготовления были закончены, и в начале апреля эта маленькая экспедиция в составе А.В. Колчак, Оленина, шести матросов и восьми тунгусов и якутов, на санях, с собаками, имея с собой доставленный за несколько сот верст с устья Лены тяжелый китобойный вельбот, вышла из села Казачьего на Ново-Сибирские острова, туда, в царство смерти и льдов.

— 20 —

Переход был очень тяжелый и часто приходилось тянуть вельбот самим путешественникам наравне с собаками, передвигаясь по несколько верст в день, так как надо было прорубать лед.

Экспедиция добралась до узкой оконечности острова «Котельный» и здесь было решено ждать вскрытия моря.

Экспедиция располагала ресурсами на четыре месяца, считая в том числе и плаванье на вельботе, пришлось же провести шесть месяцев с мая по декабрь и жить приходилось, ведя расчет на прокорм собак и охоту, от успеха которой зависела не только сама экспедиция, но и участь храбрых путешественников. До вскрытия моря (июль 1903 года) они охотились на оленей, но все-таки часть собак пришлось убить за невозможностью их прокормить.

В июле море вскрылось и А.В. Колчак на вельботе вместе с двумя матросами и 4 поморами, имея запас специальной провизии на полтора месяца — вышел в море, пробираясь вдоль Южно-Сибирских островов между островами «Федосеевский» и «Новая Сибирь» (Благовещенский пролив).

Оленин с якутами и тунгусами остались на острове «Котельный», имея задачей прокормить собак для перехода экспедиции обратно на материк (после замерзания моря).

После трехнедельного плаванья во льдах, ночуя и останавливаясь на плавучих льдинах, идя на веслах и под парусами, перетаскивая через льдину часто вельбот и находясь иногда в совершенно безвыходных положениях, А.В. Колчак 6-го Августа 1903 года высадился на острове Бенета, но партии барона Толя там не нашел. Найдены были лишь жилище партии и документы из которых выяснилось, что еще в ноябре 1902 года партия барона Толя оставила землю Бенета и по движущемуся льду в полярную ночь пошла на юг к Ново-Сибирским Островам.

— 21 —

Обследовав острова и окончательно убедившись в отсутствии партии, он отправился обратно (на Ново-Сибирские острова) и прибыл на остров «Котельный» после 43-х дней плаванья на открытой шлюпке во льдах полярного океана.

Олениным и отдельными партиями были обследованы склады на Ново-Сибирских островах, которые оказались совершенно нетронутыми, что еще раз подтвердило гибель партии барона Толя во время перехода с земли «Бенета» на Ново-Сибирские острова в Ледовитом океане.

Дождавшись в ноябре замерзания моря, экспедиция по льду вернулась вновь в село Казачье после семимесячного отсутствия. Вся экспедиция вернулась в полном составе, не потеряв ни одного человека.

Впоследствии от Императорского Географического общества А.В. Колчак получил за эту труднейшую, проведенную с таким блестящим успехом экспедицию, большую Константиновскую золотую медаль, награду весьма редкую, которую кроме него имели всего три путешественника.

Из устья Яны он выехал на оленях в Верхоянск и прибыл в Якутск накануне объявления Русско-Японской войны.

Из Иркутска А.В. Колчак, испросив ранее разрешение сдать дела экспедиции Оленину и отправив его в Петербург в Академию Наук с докладом, сам выехал в Порт-Артур в эскадру адмирала Макарова.

Какой суровой красотой веет от этой первой главы жизни. Какая твердость воли, энергии, предприимчивости, пламенного самоотречения должны были закалить душу — чтобы так начать жизнь.

Ведь в то время ему было всего около 25 лет.

В феврале 1904 года А.В. Колчак приехал в и явился к Вице-Адмиралу Макарову,

— 22 —

которого считал своим учителем как в военном деле, так и в области научных работ.

Первым назначением его в Порт-Артуре было назначение на крейсер 1-го ранга «Аскольд».

Вскоре после гибели эскадренного броненосца «Петропавловск» и смерти Адмирала Макарова, А.В. Колчак получил в командование миноносец «Сердитый», на котором оставался почти до конца осады крепости. Во время командования миноносцем он занимался постановкой мин заграждения и между прочим им была поставлена к югу от Артура минная банка, на которой взорвался и погиб японский крейсер «Такасаго».

Миноносцем был совершен ряд смелых нападений на сильнейшую эскадру противника.

Когда центр тяжести всей борьбы за Порт-Артур перенесся на сухопутный и крепостной фронт, он испросил разрешение оставить миноносец и был назначен на северо-восточный фронт крепости командиром 75-й батареи.

Этой батареей он командовал все последнее время тяжелой, героической борьбы за Порт Артур.

За Порт-Артур А.В. Колчак получил золотое оружие.

После сдачи Порт-Артура, будучи в Японии, А.В. Колчак заболел тяжелой формой суставного ревматизма, что явилось результатом предшествующего 4-хлетнего пребывания за полярным кругом.

После освидетельствования японскими врачами, как инвалид, был отпущен из Японии в Россию и в мае вернулся в Петербург.

Принять дальнейшее участие в военных действиях ему не удалось, так как осенью, когда он оправился от мучительной болезни, война была окончена.

Зиму 1905 года А.В. Колчак использовал для обработки научных материалов предшествовавших экспедиций и занимался вопросами по воссозданию флота, погибшего в Русско-Японскую войну.

— 23 —

Все то тяжелое, что пришлось пережить в Порт-Артуре, не заставило его сломиться, пасть духом, а наоборот удесятерило энергию, заставило мечтать о новой славе России и ее Флота.

Он принял участие в работе небольшой группы офицеров, по инициативе которых был создан Морской Генеральный Штаб — орган, на который должна была лечь задача разработки планов войны и судостроительной программы по постройке нашего флота.

Весной 1906 года Морской Генеральный Штаб был открыт и А.В. Колчак вступил в него в качестве начальника оперативной части по Балтийскому театру.

В этот период ему пришлось впервые работать по военным и морским вопросам с членами Государственной Думы, в общем ставшими на ту же государственную точку зрения по отношению к Армии и Флоту, на которой стоял и он.

В заседаниях думской комиссии по обороне он принимал участие в качестве эксперта по военным-морским вопросам.

В это же время он начал свои работы по разработке плана войны с Германией в военно-политической обстановке, весьма близкой к той, которая была в минувшей войне.

Он считал эту войну неизбежной и желательной, как единственное средство решения германо-славянского вопроса, получившего в этот период большую остроту, благодаря балканским событиям. Он считал необходимым положить все усилия государства на подготовку к ней.

Уже в 1907 году для А.В. Колчака совершенно явственно выступали контуры будущих военных действий и он фиксировал даже срок начала войны на 1915 год, ошибка в сроке произошла всего на шесть месяцев.

Политическая борьба между Государственной Думой и Морским Министерством, тем не менее, затягивала

— 24 —

решение вопроса о начале исполнения судостроительной программы.

В 1908 г. он пришел к убеждению, что поставить этот вопрос в реальной форме быстрой и энергичной деятельности невозможно. Все сводилось к препирательству между Думой и Морским Министерством, уходило время, а вопрос судостроительной программы не двигался; работа Морского Генерального Штаба стала получать чисто академический характер, что для него, всегда жаждущего творческой действительности, привыкшего к кипучей, реальной работе, было невыносимо.

Он решил снова вернуться к старой работе по исследованию полярных морей и изысканию Великого Северного пути из Атлантического и Северного океанов.

В это время главное Гидрографическое Управление Морского Министерства решило заняться этим вопросом и для этого снарядить экспедицию.

Он принял участие в подготовительных работах этой экспедиции и при его непосредственном участии были разработаны и спроектированы чертежи двух специальных ледокольных судов, «Таймыр» и «Вайгач», командиром которого он и ушел на Дальний Восток в 1909 году для начала работ по изысканию указанного пути со стороны Берингова пролива.

В навигацию 1909 года он работал в Беринговом проливе и в прилегающей к нему области Ледовитого океана, осенью же вернулся во Владивосток, с тем, чтобы на следующий год продолжать эти исследования на запад в Ледовитом океане.

В это время произошли перемены в составе Морского Министерства. Политика министерства под давлением Думы совершенно изменилась.

Подготовка к войне была решена.

А.В. Колчак был вызван в Петербург, как один из самых энергичных и опытных работников в деле воссоздания Русского Флота.

— 25 —

Он немедленно вернулся в Петербург в Морской Генеральный Штаб к прежнему своему делу, которое вскоре получило окончательное разрешение.

Судостроительная программа, обеспечивающая наши жизненные интересы на Балтийском и Черном морях, начала осуществляться, и Балтийский флот, получив в лице адмирала Н.О. Эссена талантливого и энергичного начальника, пошел по правильному пути подготовки Флота к войне, близость которой с каждым годом становилась все очевиднее.

А.В. Колчак принял ближайшее и горячее участие в разработке плана операций в Балтийском море. Все планы обороны Балтийского моря, давшие потом такие блестящие результаты, были разработаны или непосредственно им или при ближайшем его участии. Кроме того, он очень много времени уделял всесторонней разработке планов войны в Черном море, главным образом Босфорской операции.

В Петербурге в это время был учрежден военно-морской отдел Морской Академии, в котором он читал лекции по службе Генерального Штаба, посещая в то же время лекции и в Военной Академии.

Окончив в 1912 году в Генеральном Штабе свою работу по судостроительной программе и по подготовке флота к войне, он перешел вновь на палубу корабля, с которой не сходил уже до половины 1917 года.

## 5.

Назначенный сначала командиром эскадренного миноносца «Уссуриец», в 1913 г. А.В. Колчак вступил в командование эскадренным миноносцем «Пограничник» и в то же время принял на себя обязанности флаг-капитана по оперативной части в Штабе Командующего морскими силами Балтийского моря адмирала Эссена.

Весной 1914 года передал командование «Пограничником» и, оставаясь в Штабе, всецело посвятил

— 26 —

себя подготовке к войне, близость которой была очевидна и несомненна.

С первых же дней прибытия в Балтийскую эскадру он сумел заставить уважать себя. Даже самые старые адмиралы признавали его глубокие знания, его страстную преданность идее. Первая же военно-морская стра-

тегическая игра показала насколько выше стоит он всех весьма опытных и старых моряков.

Правда, пламенность его характера, идеалистическая страстность всех суждений для тех, кто мало знал его, казались «тяжелым характером».

Только война, объявленная в 1914 году, окончательно заставила всех, даже самых заслуженных адмиралов, его начальников, признать его авторитет.

В эти тяжелые для Балтийского флота дни, когда неприятель мог ринуться всеми силами и раздавить своим численным превосходством, его бодрость, неустранимость сделали много. Он умел заставить верить в себя, в свою удачу.

Впрочем, война не застала Балтийский флот врасплох. Огромная подготовительная работа, выполненная флотом, обеспечивала не только осуществление всех задач, возлагаемых на флот по общему плану войны, но значительно расширяла зону нашего морского господства.

Было создано прочное положение в Рижском и Ботническом заливах, где в последнем флот занял Або-Аландский архипелаг, укрывшись на острове Аланд.

Оставаясь флаг-капитаном, принимая участие в оперативной разработке всех операций, А.В. Колчак, где только возможно, участвовал лично в активных операциях флота и его отдельных частей.

Так, он был в ряде крейсерств в Балтийском море, участвовал в походах для постановки минных заграждений у неприятельских берегов и т.д.

— 27 —

Из этих походов самым трудным была зимняя операция 4-х миноносцев, которыми он временно командовал. Операция эта, имевшая своей задачей постановку минных заграждений в Данцигской бухте, была выполнена в самое суровое время года, в конце февраля месяца, при исключительно тяжелых условиях, как со стороны чисто военной, так и в смысле обстановки плавания на минных судах со слабыми корпусами во льдах.

По его инициативе предпринимались самые смелые предприятия.

Наш флот, несравненно более слабый, чем флот неприятеля, прорывался через сторожевые завесы и забрасывал минами неприятеля, приводя на целые недели к неподвижности его транспортный флот.

Долго не могли забыть немцы ночь под новый 1915 год, когда один из наших старых крейсеров подошел на несколько десятков миль к Килью, в тот район, который немцы считали своим внутренним морем.

Командующий адмирал Канин заколебался и велел повернуть обратно, тогда вмешался А.В. Колчак, по плану которого было задумано это предприятие, и убедил адмирала переменить решение.

Предприятие оказалось удачным, и немцы, наткнувшись на мины, долго искали подводную лодку, не веря дерзости, что минные заграждения были поставлены кораблем.

И уже тогда А.В. Колчак проявил свои незаменимые качества — величайшую смелость, идеальный учет обстановки, благодаря которому никакое предприятие в сущности не заключало недопустимого на войне риска.

Осенью 1915 года А.В. Колчак принял командование минной дивизией Балтийского моря с подчинением ему всех морских сил, оперирующих в Рижском заливе.

— 28 —

Как только позволило состояние льда, он с дивизией перешел в Рижский залив.

Тогда же ему пришлось принять участие в ряде совместных операций с армией Радко Дмитриева.

Особенно удачна была октябрьская операция, когда немцы пытались наступать на Ригу и уже начали теснить наши части, состоявшие преимущественно из ополченцев, почти не имевших артиллерии. Удачная и неожиданная для немцев помощь флота под командой А.В. Колчак позволила отбить все атаки и даже перейти в наступление и занять твердые позиции.

Рига была спасена.

За эту операцию А.В. Колчак получил орден Св. Георгия 4 ст.

Весною 1916 года, когда Черноморскому флоту предстояло сыграть крупную роль в операциях левофланговых армий, А.В. Колчак был, в нарушение всех условностей, произведен в вице-адмиралы, пробыв контр-адмиралом всего два месяца, и назначен Командующим Черноморским Флотом.

## 6.

Известен его первый смотр Черноморскому флоту.

Встреченный торжественно на вокзале штабом и почтенными адмиралами, на вопрос, когда ему будет угодно сделать смотр флоту, новый Командующий сказал:

«Да хорошо, через полчаса».

И, к великому смущению всех начальствующих, прямо с вокзала проехал в гавань.

Через полчаса на флагманском корабле был уже поднят сигнал: «Выйти в море».

Адмиралы едва успели переодеть мундиры, как эскадра уже шла к Анатолийским берегам. Была встреча с «Бреслау», потоплено несколько фелюг, и флот получил благодарность за хороший смотр.

Этот смотр был как бы прологом к его деятельности в Черном море.

— 29 —

С неутомимой энергией принялся молодой Командующий за работу. Все было перевернуто, ничто не ускользнуло от внимательного, строгого взгляда. Почти весь высший командный состав был сменен.

Ему необходимо было очистить Черное море от подводных лодок и прекратить выход «Гебена» и «Бреслау». Им была задумана довольно рискованная операция. Под непосредственным его наблюдением наша эскадра подошла к самым Анатолийским берегам и тесным кольцом мин закрыла выход из Босфора.

Черное море сделалось свободно. Быстроходные немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау», сильно беспокоившие наши побережья, больше не показывались, благодаря минным заграждениям и сторожевой службе наших кораблей.

За все время одиннадцати-месячного командования А.В. Колчак флотом, «Бреслау» был в Черном море один раз, а именно в первый день, когда он встретил его на линейном корабле «Императрица Мария» у Анатолийского побережья.

Он не мог догнать этот быстроходный крейсер на линейном корабле, и «Бреслау» ушел в Босфор с тем, чтобы вернуться в Черное море лишь в июне 1917 года, когда А.В. Колчак оставил Черноморский флот и агенты германского штаба уже могли свободно распоряжаться в русской армии и флоте.

Деятельность неприятельских подводных лодок ему удалось также совершенно ликвидировать и подерживать сообщение в Черном море, как в мирное время.

Громадное значение придавал он действиям у Босфора, уже было все приготовлено к грандиозной операции, целью которой были — высадка большого десанта и захват Константинополя.

Революция сделала эту задачу невыполнимой.

— 30 —

Осень и часть зимы 1916 года в Севастополе проводил тяжело занемогший тогда начальник штаба Главнокомандующего генерал Алексеев, привезенный туда для лечения.

Адмирал А.В. Колчак часто виделся с генералом Алексеевым и они беседовали о государственных вопросах, относящихся к периоду, непосредственно предшествовавшему революции.

В этой предгрозовой духоте последних месяцев Империи неизбежность грядущих событий была уже ясна. И, может быть, тогда эти два русских патриота в душе своей приготовили свои ответы на тот грозный вопрос, который встал перед всеми гражданами России.

## 7.

В первые же дни февральской революции Адмирал А.В. Колчак честно, искренно, открыто принял переворот и дал клятву верности Временному Правительству исполнить свой долг воина и патриота до конца.

Это прямое и твердое отношение к революции, так же, как и отношение генерала Алексева, дало возможность Временному Правительству утвердиться без особых трудностей, этим были избегнуты в первые дни революции смуты и кровопролития.

Не нужно забывать, что армия тогда еще повиновалась своим вождям без колебаний.

А.В. Колчак, подобно генералу Алексееву, принял переворот, как неизбежное, хотя и опасное для государственной мощи России, событие.

Он сделал все, что мог, чтобы исполнить свой долг, чтобы сохранить новой России прежнюю мощь.

Ему удалось сделать очень многое.

Благодаря тому авторитету, которым он пользовался среди команд и рабочих, первые месяцы он не только сдержал Черноморский флот от развала, но стал почти кумиром.

Глубокое понимание психологии, личная безупречность,

— 31 —

искренность и благородная открытость, с которыми он принял и пошел навстречу перевороту, дали ему полную возможность регулировать ход революции в Черном море.

Первые месяцы революции, несмотря на головокружительный развал армии и особенно Балтийского флота. Черноморский флот исполнял свои боевые обязанности, как и раньше.

Но преступная деятельность германской агентуры, обеспечиваемая действиями правительства, особенно с того момента, когда военным и морским министром объявился А. Керенский, неминуемо должна была сделать свое дело, и с появлением Керенского во главе Военного и Морского Ведомств уже ничто не могло удержать и Черноморский флот от полного развала и дезорганизации.

В конце апреля Адмиралу пришлось по вызову Гучкова побывать в Петрограде в те памятные дни, когда первое Временное Российское Правительство фактически потеряло свою власть, перешедшую в руки интернационального сброда Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с Лениным, Троцким и прочими тайными и явными агентами и деятелями большого германского генерального штаба.

В эти несчастные дни гибели русской государственности на политической арене появились уже крупные фигуры — своего рода символы — один государственной гибели, а другой — попытки спасти государство: Керенский и генерал Корнилов.

В это же время на военном совете во Пскове под председательством Главнокомандующего генерала М.В. Алексеева, А.В. Колчак впервые с совершенной мучительной ясностью понял, что война с Германией, несмотря на полную возможность довести ее в этом году до победоносного конца, проиграна безвозвратно.

Он высказал все эти взгляды в Совете Министров тогдашнего правительства князя Львова, а, вернувшись

— 32 —

в Черное море, счел своим долгом открыто об этом заявить флоту, которым в то время он еще фактически командовал.

Он выступил перед командами, гарнизоном Севастополя и рабочими.

Его невыносимая боль за грядущий позор и гибель России, его пламенная любовь, передались слушателям и вызвали, правда временный, подъем патриотизма и национального чувства, результатом чего явилась посылка знаменитой Черноморской делегации в Москву, Петроград и на фронт.

Эти речи матросов и рабочих, так непохожие на речи, произносимые в Петроградском совете, разнеслись по всей России, как последняя надежда на спасение.

В своих речах и обращениях А.В. Колчак определенно и бесстрашно указывал, что путь, на который вступила наша революция, есть путь государственной гибели, связанный с проигрышем войны, осложнениями с нашими союзниками, с грядущей потерей политического значения России, как державы, и весьма вероятным территориальным ее разгромом.

Надо было большое гражданское мужество, чтобы в то время высказывать откровенно эти мучительные, безнадежные мысли, в то время, когда название — патриот — любящий Россию — принималось под злобное улюлюкание.

Он видел, что с появлением Керенского во главе Российского Правительства работа большого германского генерального штаба соединилась с поразительным легкомыслием и демагогической деятельностью Керенского и окружающих его членов Совета Министров.

Петроградский Совдеп был представителем первого рода деятельности, а правительство исполняло вторую половину работы.

Уже в половине мая, после обнародования преступного правительственного акта, известного под именем декларации прав солдата, он обратился с указанием

— 33 —

на невозможность дальнейшей службы и просил освободить его от командования.

Правительство не приняло его отставки.

Развал армии и флота шел с ужасающей быстротой. Уж ничто не могло удержать от катастрофы. В начале июня брожение началось и в Черноморском флоте. Среди команд начались раздаваться требования, ясно продиктованные немецкими агентами, о разоружении офицеров.

В своем приказе Адмирал назвал это требование требованием безумцев, но, не желая подвергать жизнь офицеров бесполезной опасности, он приказал офицерам сдать оружие.

Сам же он велел построить команду во фронт, хотя многие офицеры сомневались, исполнит ли уже команда этот приказ.

Перед выстроившейся командой он произнес горячую, полную жестоких, гневных упреков, речь, в которой вылилась вся боль о преданной на позор и гибель России.

Матросы, накануне быть может рукоплескавшие демагогам-предателям, были потрясены этой речью: многие плакали, как дети, раздавались возгласы, что у них в мыслях не было не доверять своему Адмиралу.

Но, он, понимая, что уже нельзя надеяться на этот минутный подъем просветления, со своим даром глубокого предвидения уже зная, что ожидает армию, флот и всю Россию, ответил, что он не желает командовать флотом, опозорившим себя гнусным оскорблением своих офицеров, позволяя себе говорить о их разоружении.

«Моего оружия вы не получите», закончил он, и золотое оружие, заслуженное ценою высокого мужества, блеснуло в волнах Черного моря.

Он еще несколько дней жил в своем дворце без всякой охраны По городу ходила уже опьяненная большевистским дурманом толпа, но никто не осмелился

— 34 —

придти к нему, несмотря на все подстрекательства германских наемников, для которых этот мужественный патриот был опасным врагом. Так велика была сила его нравственного обаяния.

Приехав в Петрограде, он в Совете Министров правительства Керенского открыто и твердо высказал, что направление нашей революции и деятельность правительства привели армию и флот к уничтожению, что вместо установления истинно-демократического строя последует крушение всего государства

Некоторые общественные группы уже тогда возлагали надежды на него, как на одного из военных и общественных деятелей, но он считал, что в обстановке государственного разложения сделать в то время ничего нельзя.

Он желал участвовать в войне, полагая, что это единственная форма деятельности, которой он может служить государству. Но Россия в то время не воевала.

В Петрограде в то время находилась Американская миссия сенатора Рута, в составе которой находился адмирал Гленон. Эта миссия обратилась к правительству с предложением послать адмирала А.В. Колчак на некоторое время в Америку для передачи и обмена мнениями по целому ряду военно-морских вопросов, главным образом по ведению минной войны и по борьбе с подводными лодками, так как деятельность его в этих областях во время войны ставила его на одно из первых мест среди адмиралов мира.

В конце июля 1917 года Адмирал А.В. Колчак уехал через Швецию и Англию в Америку во главе специальной морской миссии.

В Америке ему пришлось работать главным образом в Морском Министерстве и Морской Академии (в Нью-Йорке).

Он виделся с президентом Вильсоном, государственным секретарем Лансингом, морским министром и многими политическими деятелями.

— 35 —

Общее впечатление, которое он вынес из знакомства с американским обществом — это полная неосве-

домленность о делах в России. Это представлялось тем более странным, что в России находились многочисленные агенты американского правительства, которые казалось бы должны были осведомлять американское общество о положении дел на месте.

Американское общество особенно восхваляло Керенского, что не помешало, однако, впоследствии общественному мнению в Америке усмотреть в большевизме идеологию российского демократизма.

Вообще, за границей в этот период развала русской государственности в вопросах нашей внутренней политики наиболее ясный отчет отдавали себе военные деятели, стоящие быть может на несколько специальной, но тем не менее государственной точке зрения.

В развале нашей вооруженной силы они видели гибель государственности, а вовсе не выражение демократичных настроений русского народа.

Для людей военных всего мира было совершенно ясно, что революция, не сумевшая выиграть войну, когда для этого были все средства, неминуемо приведет страну к анархии.

Адмирал А.В. Колчак оставил Америку накануне большевистского переворота и в Японии узнал об образовавшемся правительстве Ленина и о подготовке к Брестскому миру.

Ни большевистского правительства, ни Брестского мира он признать не мог.

Как Адмирал Русского Флота, он считал для себя сохраняющими всю силу наши союзные обязательства в отношении Германии. Он хотел продолжать участвовать в войне с общим врагом.

Единственная форма, в которой он мог служить Родине, оказавшейся в руках германских агентов и предателей, было участие в войне с Германией на стороне наших союзников.

— 36 —

Через английского посла в Токио он предложил английскому правительству свою шпагу.

Английское правительство немедленно приняло это предложение и назначило его на Месопотамский фронт, куда он и отправился.

В это время начались первые приготовления к героической борьбе за освобождение России.

Российский посол в Пекине князь Кудашев обратился к английскому правительству с просьбой освободить Адмирала А.В. Колчак от назначения, так как его присутствие стало необходимым на нашем Дальнем Востоке.

Из Сингапура он был возвращен по распоряжению Английского правительства.

В полосе отчуждения Восточно-Китайской дороги он пытался организовать вооруженную силу для борьбы с германо-большевиками.

Осенью 1918 года он решил проехать в армию генерала Алексева, чтобы под его командованием принять участие в борьбе с большевиками.

В Омске он узнал о смерти генерала Алексева.

Всероссийское Правительство предложило ему занять пост военного и морского министра.

18 ноября Всероссийское Правительство (директория), раздираемое несогласиями в своей собственной среде, не желающее активно бороться с группой Чернова, призывающей открыто к вооруженному мятежу против правительства и организующей этот мятеж, с другой стороны не пользующееся доверием и авторитетом среди армии, безвольное и ничем не проявляющее своей деятельности, это правительство распалось.

В минуты грозной и последней опасности, когда казалось спасение уже невозможным, Совет Министров единогласно решил передать всю полноту Верховной власти ему, Адмиралу Русского Флота Александру Васильевичу Колчак.

Надо было много твердой решимости, много горячей

— 37 —

любви, чтобы взять на себя нечеловеческую тяжесть ответственности за судьбы России.

Надо было обладать железной энергией, закаленной волей, чтобы преодолеть злой хаос всеобщей разрухи и расхлябанности, чтобы твердо и неуклонно идти по намеченному пути спасения и возрождения России, отмечая все партийное, узкое, эгоистическое, чем заражена была государственная жизнь России.

И, конечно, не случайно судьба поставила именно его во главе новой национальной власти, которой суждено прекрасное и трудное дело собирания Руси, создания новой власти и величия Государства Российского.

Вся жизнь его, сейчас прошедшая перед нами, была как бы подготовкой к великому подвигу.  
Такая простая, суровая, такая несхожая с жизнью наших современников, жизнь.  
Все в ней проникнуто только одним неустанным стремлением работать и биться за Россию.  
Сражения и упорная работа, напряжение мысли и воли: не найти в этой жизни колебаний, слабости, нерешительности, малодушия и маловерия.

Преодолевать все опасности, перенести все трудности, пламенно верить и желать одного — счастья России, вот его девиз, написанный не одними словами, а неумомимыми делами

Пафос всей его жизни — напряженная деятельность, творческая, созидательная, преодолевающая

И вот, Адмирал поднялся на дредноут с прекрасным и великим именем «Россия».

Он поведет эскадру в бой.

Много опасностей, много гибельных рифов на пути, много вражеских мин, но разве ему впервые глядеть судьбе прямо в глаза?

Разве там в Ледовитом океане, в Порт-Артуре, в Рижском заливе, в Черном море, смерть не касалась черным крылом его головы, но разве он склонялся, разве он забывал, что много жизней вручены его уменью, его твердости, наконец его удачливости.

— 38 —

Спокойно, своей легкой, точной походкой поднимается он в боевую рубку и дает сигнал для последнего, страшного боя.

И по его знаку зазвучит привычная команда:

«Все наверх, боевая тревога».

Цена 3 руб.

### Русское Бюро Печати

Имеются на складе издательства следующие брошюры:

**В. Владимирцев.** Как рабочие и крестьяне восстали против большевиков.

**С. Ауслендер.** Верховный Правитель на фронте.

**Бонч-Осмоловский.** Кому земля достанется.

Склад помещается в Омске 2-й взвоз д. Липатникова.